

Корф Модест Андреевич

**Историческое описание 14-го
декабря 1825-го года и
предшедших ему событий**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М74

М74 **Модест Андреевич К.**
Историческое описание 14-го декабря 1825-го года и предшедших ему событий / Корф
Модест Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 176 с.

ISBN 978-5-519-90518-3

ISBN 978-5-519-90518-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

этомъ періодѣ времени говорится болѣе, нежели въ однѣхъ общихъ чертахъ (*), посвященныя ему десять страничекъ соотвѣтствуютъ, можетъ статься, общему размѣру всей книги, но слишкомъ мало удовлетворяютъ любопытству, достойному здѣсь болѣе благороднаго имени—*исторической любознательности*.

Между тѣмъ современники старѣются и умираютъ, преданія изглаживаются, въ самихъ свидѣтеляхъ и очевидцахъ, память былаго тускнетъ, и такимъ образомъ истина, искажаясь въ изустныхъ разсказахъ, смѣшивается постепенно съ вымыслами и прикрасами, которыя такъ легко прилипаютъ ко всякимъ великимъ происшествіямъ, много занимавшимъ собою умы.

Чтобы возстановить факты въ ихъ чистотѣ и, вмѣстѣ, восполнить, для будущаго историка Россіи, такой пробѣлъ, котораго не простило бы намъ потомство, Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику, Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу благоугодно было,

(*) Историческое обозрѣніе Царствованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА П. Устрялова. С. Петербургъ 1847 г.

съ Высочайшаго разрѣшенія, поручить Статсъ-Секретарю Барону Корфу составить, по самымъ достовѣрнымъ даннымъ, полное и возможно-подробное описаніе упомянутыхъ событій. — Трудъ сей нынѣ оконченъ. Это еще не Исторія, возможная только въ потомствѣ, но вѣрная лѣтопись, обязанность которой лежитъ на современникахъ. Лѣтопись должна разсказать что и какъ было, исторія — оцѣнить бывшее и произнесетъ надъ нимъ свой приговоръ.

Матеріалами въ настоящемъ трудѣ приняты:

I. Собственноручная подробная записка, Государемъ Императоромъ для Царственнаго Его Семейства написанная.

II. Воспоминанія Государя Великаго Князя Микхаила Павловича, положенныя на бумагу подъ непосредственнымъ Его руководствомъ.

III. Разсказы покойныхъ Князя А. Н. Голицына и Графа М. М. Сперанскаго, съ ихъ словъ еще при ихъ жизни записанные.

IV. Разказы и, частію, письменныя замѣтки живыхъ свидѣтелей и дѣятелей 14-го Декабря: Генералъ-Адъютантовъ: Графа Орлова, Графа Левашова, Графа Адлерберга, Василья Перовскаго, Кавелина и Философова, и Генерала Ростовцова.

V. Разказы нѣкоторыхъ другихъ достовѣрныхъ очевидцевъ и собственныя воспоминанія редактора.

VI. Бумаги, послѣ покойнаго Князя В. П. Кочубея оставшіяся.

VII. Подлинныя акты Государственнаго Совѣта.

VIII. Акты Слѣдственной Коммисіи и Верховнаго Уголовнаго Суда.

IX. Офиціальныя реляціи 15-го и 29-го Декабря 1825 года.

X. Полное Собраніе Законовъ.

Описаніе, по симъ даннымъ составленное, во всей подробности повѣрено Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и большею

частію лицъ, которыхъ рассказы въ немъ помѣщены,
и исправлено окончательно по собственнымъ указані-
ямъ Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Въ Европѣ и въ самой Россіи издавна существуетъ повѣріе, что ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ имѣлъ и до конца дней Своихъ сохранялъ тайное намѣреніе отречься отъ Престола и поступить въ частную жизнь. Обыкновенно думаютъ, что намѣреніе это родилось въ Немъ послѣ попраціи Наполеона, когда, возстановивъ разрушенныя Царства и возвратя западу потрясенный многолѣтними политическими бурями мнръ, Онъ, утомленный славою и величіемъ и разочарованный въ мечтахъ Своихъ о привязанности и благодарности человѣческой, воспарилъ отъ помысловъ земныхъ къ небесному и сосредоточился болѣе въ Самомъ Себѣ. «*Пожаръ Москвы*—говорилъ Онъ, въ 1818 году, Прусскому Епископу Эйлерту — *просвѣтилъ Мою душу, и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ Мое сердце теплотою вѣры, какой Я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда Я*

позналъ Бога, какъ открываетъ Его Св. Писаніе; съ тѣхъ поръ только Я позналъ и понимаю Его волю и Его законъ, и во Мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвящать Себя и Свое Царствованіе Его Имени и Славы» (*). Нѣтъ, однакоже, сомнѣнія, что мысль оставить Престолъ мелькала въ Немъ, даже повѣряема была отъ Него другимъ, гораздо еще прежде сказанной эпохи. Несчастный Николай Тургеневъ рассказываетъ (**), что видѣлъ у Лагарпа письма бывшаго его питомца изъ самыхъ первыхъ лѣтъ Его Царствованія. «Il déclarait—пишетъ Тургеневъ—qu'après avoir rendu la Russie libre et heureuse, son premier soin serait d'abdiquer et d'aller vivre retiré dans un coin de l'Europe, où il jouirait du bien qu'il aurait fait à sa patrie». — Но и тогда уже, мысль эта была въ АЛЕКСАНДРѢ не новою. Она проявлялась еще въ юношѣ, почти въ ребенкѣ, въ то время, когда Онъ не только не былъ на Престолѣ, но и отдѣлялся еще отъ него Своимъ родителемъ, то есть при жизни Императрицы Екатерины. Мы имѣемъ въ рукахъ одинъ документъ, который, еслибъ и отнести его содержаніе къ одной вспышкѣ минутнаго раздраженія, или къ воздушнымъ

(*) Charakterzüge und historische Fragmente aus dem Leben des Königs von Preussen Friedrich Wilhelm III.

(**) Въ книгѣ своей: «La Russie et les Russes.» — Paris 1847, T. I, p. 434.

замкамъ ранней молодости, все же въ высшей степени любопытенъ какъ первый, но уже ясный и отчетливый проблескъ тогоже намѣренія, и вмѣстѣ, какъ свидѣтельство того возвышеннаго образа чувствъ, который представляетъ **АЛЕКСАНДРА** такимъ поэтическимъ явленіемъ въ нашей исторіи. Этотъ документъ—письмо 18-ти лѣтняго Великаго Князя, отъ 10-го Мая 1796 года, къ одному изъ любимѣйшихъ, въ этомъ возрастѣ, друзей Его, тоже почти еще юношѣ, Виктору Павловичу Кочубею, который былъ тогда Посланникомъ нашимъ въ Константинополь. Вотъ оно, отъ слова до слова:

«Cette lettre, mon cher ami, vous sera remise par M. Garrick, duquel je vous ai parlé dans une de mes lettres précédentes; ainsi je peux vous parler librement sur quantité de choses.

«Savez-vous, mon cher ami, que réellement cela n'est pas bien que vous ne m'instruisez sur rien de ce qui vous regarde, car je crains d'apprendre que vous avez demandé votre congé pour aller faire une cure en Italie et que delà vous irez en Angleterre pour quelque temps. D'où vient que vous ne m'en dites rien? Je commence à croire que vous doutez de mon amitié pour vous, ou que vous n'avez pas assez de confiance en moi; car, j'ose le dire, je la mérite

réellement par l'amitié sans bornes que je vous porte. Ainsi, je vous en conjure, instruisez-moi de tout ce qui vous regarde et croyez que vous ne pourrez me faire un plus grand plaisir. Aureste je vous avoue, que je suis bien charmé de vous savoir quitte de cette place, qui ne pouvait que vous procurer des désagrémens sans être compensée par aucune jouissance quelconque.

«Ce Mr. Garrick est un très joli garçon; il a passé quelque temps ici et dans ce moment il va en Crimée, d'où il s'embarquera pour Constantinople. Je le trouve bien heureux, parcequ'il aura l'occasion de vous voir et je lui envie en quelque façon son sort, d'autant plus que je ne suis nullement content du mien. Je suis enchanté que la matière se soit engagée d'elle-même, car j'aurais été embarrassé de commencer ce sujet. Oui, mon cher ami, je le répète, je ne suis nullement satisfait de ma position: elle est beaucoup trop brillante pour mon caractère qui n'aime que la tranquillité et la paix. La cour n'est pas une habitation faite pour moi; je souffre chaque fois que je dois être en représentation et je me fais du mauvais sang en voyant ces bassesses qu'on fait à chaque instant pour acquérir une distinction pour laquelle je n'aurais pas donné trois sols. Je me sens malheureux d'être obligé d'être en société avec des gens que je ne voudrais pas avoir pour domestiques

et qui jouissent ici des premières places, tels que le P-ce S M-r P , le P-ce B , les deux C-tes S , M et un tas d'autres, qui ne méritent pas même d'être nommés, qui, bas avec leurs inférieurs, rampent devant celui qu'ils craignent. Enfin, mon cher ami, je ne me sens pas du tout fait pour la place que j'occupe dans ce moment et encore moins pour celle qui m'est destinée un jour et à laquelle je me suis juré de renoncer, soit d'une manière, soit de l'autre.

«Voilà, mon cher ami, le grand secret qu'il me tardait depuis si longtemps de vous communiquer et dont je n'ai pas besoin de vous recommander le silence, car vous sentez que c'est une chose qui peut me casser la tête. J'ai prié M-r Garrick, qu'en cas qu'il ne puisse vous remettre cette lettre, qu'il la brûle et qu'il n'en charge personne pour vous.

«J'ai beaucoup pesé et combattu cette matière, car il faut que je vous dise que ce projet m'est entré en idée avant même que je vous aye connu, et je n'ai pas tardé à me décider au parti que j'ai pris.

«Nos affaires sont dans un désordre incroyable; on pille de tous cotés; tous les départements sont mal administrés; l'ordre semble être banni de partout, et l'Empire ne fait qu'accroître ses domaines; ainsi comment se peut-il qu'un seul homme puisse suffire à le

gouverner et, encore plus, à y corriger les abus; c'est absolument impossible non seulement à un homme de capacités ordinaires comme moi, mais même à un génie, et j'ai eu toujours pour principe qu'il valait mieux ne pas se charger d'une besogne, que de la remplir mal; c'est d'après ce principe que j'ai pris la résolution dont je vous ai parlé ci-dessus. Mon plan est, qu'ayant une fois renoncé à cette place si scabreuse (je ne peux pas fixer l'époque d'une telle renonciation), j'irai m'établir avec ma femme aux bords du Rhin, où je vivrai tranquille en simple particulier, faisant consister mon bonheur dans la société de mes amis et l'étude de la nature.

«Vous vous moquerez de moi; vous direz que c'est un projet chimérique: vous en êtes le maître; mais attendez l'événement et après cela je vous permets de juger. Je sais que vous me blâmerez; mais je ne peux pas faire autrement, car le repos de ma conscience est ma première règle, et elle ne pourrait jamais rester en repos, si j'entreprenais une chose audessus de mes forces. Voilà, mon cher ami, ce qu'il me tardait tant de vous dire; à présent que cela est fait, il ne me reste qu'à vous assurer, qu'où que je serai, heureux ou malheureux, dans le faste ou dans la misère, une de mes plus grandes consolations sera votre amitié pour moi, et croyez que la mienne ne finira qu'avec ma vie.